

ПЕРВЫЙ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИЙ ФИЛОСОФ
(к столетию профессора
Николая Павловича Антонова)

В каждом вузе есть легендарные фигуры, которые на протяжении длительного времени определяли его интеллектуальное развитие. В Ивановском государственном университете к таким знаковым персонам относится профессор Николай Павлович Антонов.

Он родился в 1909 году в Иваново-Вознесенске и может рассматриваться как первый профессиональный иваново-вознесенский философ. Детство и юность ученого прошли в деревне Никульское, расположенной на высоком берегу Нерли — реки, символизирующей древнюю историю нашей страны, той ее части, которая и сейчас называется владими́ро-сузда́льской. Складывание характера и образа мысли будущего советского профессора происходило в сложном культурном котле, каковым являлся промышленный город Иваново-Вознесенск, при этом архетипы его культурности проистекали из деревенско-сельской укорененности.

Н. П. Антонов — не столичный, а провинциальный профессор-философ. В нем оказалось слишком много корневого и самостийного, очень много того принципиально-человеческого (слишком человеческого), что приводило к его, как бы сейчас сказали, «маргинальности». Он, как о нем иногда говорили коллеги, «попал в струю», но по большому счету никогда не был несомым как щепка, он находил свою особую траекторию обхождения

препятствий «социалистического бытия», всегда оставляя за собой право оценивать степень разумности того народно-социалистического идеала, который, видоизменяясь и развиваясь, определял его социально-философское, политическое и социологическое сознание.

Провинциальный мыслитель — это не формула игры на понижение, это установление самого точного по своей сути социокультурного феномена, который следует изучать не в контексте конъюнктурного «охаивания», а как предмет очень непростого анализа. Думается, что фундаментальная противоречивость и почти сверхсистемная самосложность являются для такого рода фигур исходной позицией экзистенциально-философской рефлексии. Дело в том, что чаще всего анализ творчества того или иного философа дается либо через онтологический аспект социально-биографического описания, либо через художественно-чувственный контекст личностного бытия. Но есть еще и другая формула персоналистической реконструкции — почти фантастическая аналоговая рефлексия, наполненная историко-метафорическими и социокультурно-метафорическими коллажами постмодернистских версий репрезентации лично-персоналистического бытия. Пожалуй, лишь такой вариант размышления может помочь войти во внутренний «жизненный мир» мастера.

Главный вывод, к которому непреднамеренно приходишь, стараясь понять советскую «книгу перемен», заключается в том, что в советской истории всегда находились персонажи, которые не столько разрывали ее, не столько рыли котлован вражды и розни времен и эпох, сколько нащупывали единство и неразрывность трагического бытия родины, попавшей в вихри времен и турбулентности истории. Такие личности всегда являются персонажами ноосферной истории. Именно таким ноосферным воплощением представляется сейчас фигура профессора Н. П. Антонова. Сколько бы ни велись разговоры о том, что «Антонов устарел», «Антонов — вульгарный материалист», нельзя уйти от ощущения действительного человеческого преодоления жестокобытия железного XX века, века, после которого образ мира в формах актуальной человеческой одушевленной воплощенности изменился значительно сильнее, нежели изменилось русское искусство при переходе от классики к модерну или от авангарда к советскому искусству. Сгоревшая история человеческой субъективности российского XX века сродни разбитому на самые мелкие осколки зеркалу российской хронотопной культурности. Но очень важно для понимания смысла и интенций регионально-провинциальной культурности, что в водоворотах безжалостного времени сохраняются исконные личности, несущие в себе яркие примеры подлинного народно-русско-советского бытия — «советского дазайна».

Философское месторазвитие

Современная Ивановская область в значительной степени территориально связана с тем региональным пространством, которое издавна называлось «Замосковский край», геополитически это своеобразный «медвежий угол», где таились не только люди, но — главное — идеи, которые по каким-либо причинам не могли прижиться в стольном городе Москве. Положение территории в излучине Волги от Плесского плеса до плеса Пучежского лучше всего может быть обозначено русской поговоркой — «у Христа за пазухой». Однако главное в этой фразе — не материальное благополучие (как иногда

принято считать), а духовная составляющая, ибо жить с Богом в формах личного, а не только государственного измерения — очень сложная социально-историческая миссия.

Уникальность религиозной жизни края, огромный интерес к мировой культуре, «социальная мобильность» странничества, специфика понимания народной (советской) демократии, общинно-соборной жизни и социальной справедливости создали особое региональное мировоззрение, которое и сейчас рассматривается как модель толерантного жизнебытия в формах техносциального эволюционного развития.

Естественно, что жизнь в условиях сталинского самодержавия наложила очень сильный отпечаток на сознание Н. П. Антонова, но стержень его мировоззрения (и это становится видно именно сейчас, по прошествии двадцати пяти лет со дня смерти философа) — социально-материальная и духовно-нравственная культура Замосковского края, великими знаками которой являются и протопоп Аввакум, и кинорежиссер-философ А. А. Тарковский. Поразительным образом в философе Антонове воплотились оба эти архетипа: с одной стороны, одержимость идеями справедливости, здраво-разумности, русскости, а с другой — трагическое, до ностальгичности, понимание глобальности бытия в его переломных точках.

Миры советской интеллигенции

Жизнь Н. П. Антонова уложилась во временной промежуток, который может быть обозначен словами «от одного застоя к другому». 1909 год — год рождения — почти предтеча году 1913-му (как считается, самому благополучному для России году), а 1985-й — год смерти — самый рубежный для России XX века, может быть, именно об этом времени Н. П. Антонов мечтал всю свою сознательную жизнь, может быть, он больше всего сделал именно для того, чтобы сменилась модель государственного и общественного управления. Вряд ли он ожидал, что скоро придут 90-е годы с их «социальным inferно», — он думал о том, что русский мир вдруг изменится в лучшую — разумную и ноосферную — сторону. Для советской интеллигенции (а Н. П. Антонов действительно принадлежал именно к этой не очень значительной по численности, но очень важной по сути части развитого советского общества) понимание ответственности перед народом и страной было главным императивом бытия, сравнимым с религиозными заповедями.

Понимание глубинного смысла жизни и судьбы Н. П. Антонова неразрывно связано с метаисторией российско-советской империи XX века. Ее испытания на прочность мало чем отличались от испытаний татаро-монгольским игом, польско-шведской интервенцией начала XVII века, а затем каждоветковыми иноземными — французскими, немецкими и, наконец, общеевропейскими — нашествиями.

Весьма интересно попытаться проанализировать геополитическое мышление Н. П. Антонова. Оно носит геополитический характер не столько в узком смысле слова, сколько в широком: духовная составляющая оказывается на первом месте. Это не случайно прежде всего потому, что так называемая русская ментальность — ментальность с приматом духовно-справедливости — дополняется тем духовно-религиозным провинциальным контекстом, который неотрывно присутствовал в иваново-вознесенском сознании ученого-философа. По самому большому счету именно ощущение причаст-

ности к миру нового (не застывшего, а интенсивно развивающегося) сознания-разума заставляло его принимать вызовы интеллектуальной подвижности, духовной неуспокоенности: его жизнь в Ленинграде, пребывание в Польше, самарско-поволжский, московский, новосибирский периоды, наконец, возвращение на иваново-вознесенскую родину — все это свидетельства особого миро-провинциального модуса укорененности, глобально-ноосферного сознания...

Насколько высок был уровень культурно-интеллектуальной жизни в Иваново-Вознесенске в начале XX века, можно хорошо проследить по материалам журнала «Наша родина — Иваново-Вознесенск». Однако то, как формировался стиль мышления будущего философа, сейчас, конечно, очень трудно не только восстановить, но и домыслить. Но есть факты, которые хотя бы в некоторой степени могут пролить свет на эти особые духовно-нравственные и культурно-интеллектуальные корни иваново-вознесенского философского сознания.

К началу революционной эпохи будущему правдоискателю было уже 8 лет. Это означает, что самый интенсивный период развития прошел в условиях того старого Иваново-Вознесенска с его мощным рабочим классом, ощущением огромного по тем временам города (нынешний Иваново всего в два раза больше, нежели Иваново-Вознесенск предреволюционной поры). Очень важно учитывать, что переход к власти Советов в Иваново-Вознесенске совершился очень естественно и спокойно, он был подготовлен всеми теми событиями, которые произошли в годы первой русской революции. Складывается впечатление, что Н. П. Антонов с самого начала своей деятельности находился под обаянием того ощущения, которое выражено словами о «третьей столице» — сознания того, что «пролетариат питерский, московский и иваново-вознесенский» (В. И. Ленин), взятый как высококультурный слой российского общества, поставлен историей в условия ответственности за ход мировой социальной революции, — это сознание обеспечивало духовно-деятельностную пассионарность будущего философа. В разговорах с Н. П. Антоновым это не проявлялось, но в его поступках ощущение мировой привязанности его личностного бытия было и ощущалось всегда.

Главное качество, которое, на наш взгляд, было сформировано Иваново-Вознесенском в личности Н. П. Антонова, — это общекультурная масштабность, мирокультурность. Это свойство обнаруживало себя в культурно-собирательской деятельности Д. Г. Бурылина, и не вызывает никакого сомнения, что Н. П. Антонов был знаком с краеведческим музеем, выросшим из потрясающей по миромасштабности коллекции иваново-вознесенского мецената. Будущее философское мышление формировалось в купели не только быто-пролетарской, но и бытийно-религиозной культурности (которая была характерна для высших классов иваново-вознесенского общества). Прежде всего, следует сказать, что «высший класс» Иваново-Вознесенска был пронизан не только (и не столько) духом наживы и накопления, но и общинно-религиозным сознанием, которое было характерно для логики развития культурного (а не догматического) староверческого мироощущения. Концепт культуры старой веры в духовных интенциях большинства иваново-вознесенцев проявляет себя как особая стратегия мировоззрения, мироотношения и миропостроения.

К гуманистической ноосферной глобалистике

Философский путь профессора Н. П. Антонова в кратком изложении может быть представлен как переход от философии сознания к философии ноосферы и движение от диалектического исторического материализма к гуманистической ноосферной глобалистике. Он не был «невъездным» или «зашоренным», как иногда сейчас изображают советских философов: преподавал в Польше, Венгрии, ГДР, переписывался с европейским философом-неотомистом, публиковался за рубежом, входил в состав редколлегии одного из двух самых крупных философских журналов страны — «Философские науки». Н. П. Антонов принимал участие в создании новосибирского Академгородка — одного из ярких проявлений свободной науки в СССР, смог привлечь значительные силы философов и ученых для «ноосферного прорыва» — проведения в Иванове в 1983 году первой в России философской ноосферологической конференции.

Н. П. Антонов стоял у истоков формирования региональной философской школы. К числу его учеников-аспирантов относятся наши земляки Р. Г. Яновский (бывший ректор Академии общественных наук, член-корреспондент РАН, директор Центра социологии национальной безопасности), А. Н. Кочергин (бывший зав. кафедрой философии ИППК при МГУ). Из более чем тридцати бывших аспирантов профессора Н. П. Антонова десять стали докторами наук: практически во всех вузах города работают его соратники и ученики. (Некоторые уехали из Иванова и работают в столице, например известный специалист в области современной западной философии профессор В. Г. Арсланов.) Впрочем, не все из тех, с кем свела научная судьба Н. П. Антонова, стали профессиональными философами, один из них (М. М. Жуков) еще в советское время выбрал религиозное служение и сейчас является известным деятелем русской православной церкви. Особая страница деятельности Н. П. Антонова — создание диссертационного совета по философии, действующего до настоящего времени: в его лоне фактически сформировалось нынешнее региональное философское сообщество.

В чем же смысл ноосферной философии Н. П. Антонова? Прежде всего в том, что утверждается неразрывность глобального и регионального развития: попытка уйти из общемирового развития губельна для страны, но и забвение своих корней приводит к деградации общества. Мера соединения противоположностей определяется культурой разума человеческого общества и каждого человека в отдельности. Русская культура (в частности, поэзия, которую Н. П. Антонов очень любил и хорошо знал) сформировала свою философию глобальности, и в XX веке ее художественные смыслы переросли в философские и научные формы. В творчестве Н. П. Антонова постепенно сложилась гуманистическая формула соединения глобального и регионального ноосферного развития.

Пожалуй, самым значимым сюжетом биографического описания жизни Н. П. Антонова является попытка реконструкции «происхождения и сущности» ноосферной идеи в его философском сознании, которое, без всякого сомнения, является не только артефактом нашей иваново-вознесенской истории, и даже не только масштабным историческим фактом истории советской философской мысли, но и событием глобального масштаба, ибо каждая из теоретических моделей ноосферного видения мира XX века требует внима-

тельного изучения и осмысления, так как именно на этом пути появляются возможности открывать окна в будущее, чтобы впустить свежий воздух свободного, естественного, духовного человеческого бытия.

К сожалению, считал Н. П. Антонов, сила социального разума иногда оказывается недостаточной для понимания сложности мира, поэтому развитие современной техноцивилизации несет все больше бедствий для развития человечества. Но в силах человека попытаться изменить себя и изменить мир, преодолеть архаические и современные формы социального безумия: главный источник этого преодоления — в философии и культуре, в понимании того, что бесконечное несовершенство социальной жизни может исправить только сам человек. Этот пафос, вышедший из культуры советского общества, актуален и в наше время, когда страна вновь набирается сил для того, чтобы ответить на те вызовы, которые несет с собой вхождение в третье тысячелетие.

Будущее страны в значительной степени определяется человеческим потенциалом каждой ее территории, именно поэтому обращение к творчеству людей, стоявших у истоков становления регионального образовательного и культурного пространства, чрезвычайно важно именно сейчас, когда формируется представление о том, что в глобализирующемся обществе от каждого человека в значительной степени зависит наше общее будущее. Пример профессора Н. П. Антонова, всю свою богатую жизнь прожившего в Иванове, — хороший ориентир для движения в этом направлении.

Г. С. Смирнов